

Балет в сапогах

Ньюйоркцы в Мариинке

Коммерсантъ. — 2003. — 6 авг. — с. 13

гастроли фестиваль

В «Симфонии Запада» — ковбойские пляски вместо лебединых танцев. Но Запад этот никакой не дикий ФОТО ВАЛЕНТИНА БАРАНОВСКОГО

В Петербурге закончились гастроли New York City Ballet, а с ними и фестиваль «Звезды белых ночей», растянувшийся по случаю городского юбилея и слета высоких гостей чуть ли не на все лето.

На закрытие американцы поставили самого трудного, бесчеловечного и устрашающего для широкой публики Баланчина «Кончерто барокко» Баха и «Агон» Стравинского. Это когда под довольно трудную музыку на пустой сцене сучат ногами девушки в купальниках и юноши в белых футболках, черных трико и белых носках, а больше ничего не происходит, и даже программа, обычно охотно поясняющая, почему женщины в пачках по небу летают, тут молчит, набрав в рот воды. Видимо, для того, чтобы публика отдышалась от этих ужасов, после «Кончерто барокко» воткнули трюковый «Hallelujah Junction» работы нынешнего худрука труппы Питера Мартинса. А после замысловатого «Агона» зубодробительную «Симфонию Запада» совсем другого Баланчина: балетный вестерн со скачущими ковбоями, салуном «Эльдорадо» и девушками, одетыми как для кабаре.

Зажатое между этими шедеврами произведение Питера Мартинса выглядело крайне забавно. Обычный такой класс-концерт, куда выкатили немного демонизма в виде черных роялей на сцене, а из-за роялей снопы лучей, будто из преисподней. Дело скрасил драйв, с которым эту туфту исполняли танцовщики NYCB. Вот где была наглядная разница между гением, но покойным, и завтруппой, но живым. Они так выкладывались на этой ерунде, что, ей-богу, даже компрометировали своего руководителя. Так и воображаешь, как он пальчиком подманивает в кулисах и гаденьким голоском говорит: «Подика сюда, мила-йя...»

В Мариинке, у которой уже полно всякого Баланчина, «Агон» и «Кончерто барокко» не танцуют. Но, говорят, собираются. Хотя, право, не представляю, как теперь это сделать. После того как над этой же самой сценой черным смерчем пронесся NYCB, сложно будет порадоваться тому факту, что никто из мариинских девушек хотя бы просто не упал. Но с другой стороны, понимаешь, что за трудное счастье регулярно наблюдать эти тексты, пусть даже и в русском исполнении, балетоманы маму продадут.

«Кончерто барокко» фантастически красив, настолько, что описать это можно только несусветными потоками пошлостей. Произведение стерильной хрустящей белизны, в котором даже складки теннисных мини-юбок кордебалета выглядят величаво, как канелюры античных колонн. «Агон» фантастически жесток. Насколько только может быть балет, единственный сюжет которого — соперничество. Своим

балеринам Баланчин оставил здесь лишь азарт, агрессию и равные с мужчинами па, и когда пойманная за талию Венди Виланд рывком заводит ногу за спину партнеру, вполне классический аттитюд выглядит как борцовский захват: так и ждешь, что эта феминистка сейчас шутя сломает парню шею.

Подышав озоном на этих черно-белых абстракциях, «Симфонию Запада» встречали с ужасным предубеждением. Напрягла, конечно, тема. Тот, мол, случай, что Баланчин изменил святому искусству, лишь бы огрести кассу. Что, мол, с таким же чувством в Петербурге француз Мариус Петипа сквозь крокодилы патриотические слезы сочинял номер «Мцѣхок». Но разудала «Симфония» спутала все карты. Этот текст был сочинен, а теперь исполняется с абсолютнейшим физическим удовольствием, и оно дико заразительно. Сразу вспоминаешь, что Баланчин честно признавался: после рабочего дня в танцклассах больше всего любит завалиться дома на диван и посмотреть вестерн. Или про гангстеров что-нибудь, с драками и погонями. Вот так этот балет и сочинен: человек, слегка одуревший от вилис, сильфид и прочих женщин балетной породы, пошел в отрыв. Классический балет пародируется на каждом шагу. Лихой ковбой, сдернув шляпу, кидается к ногам партнерши, разогнавшейся не хуже поезда и иступленно ввинчивающей трюки, и начинает шляпой обмахивать раскалившиеся от бешеных туров пуанты — такие гэгги не снились ни одному сочинителю балетных комедий. Когда на сцену вываливает страшно довольный собой тexasский красавец в усыпанной бриллиантами португее, с бриллиантами на сапогах, сам при этом черный, как ночь, шляпа зато белая, публика впадает в оторопь, а потом в шенячий восторг. А потом, скрестив руки на груди, как вилиса, на сцену с поджатыми губами выплывает недотрога, слишком замысловатая для такого парня. И оба устраивают такой дуэт, что в зале уже хохочут в голос. И когда в финале вся труппа в хореографическом тутти начинает печатать бешеные туры, и без всякой финальной точки занавес старушки Мариинки летит со всех ног вниз, и в щель за полметра от пола видно, что на сцене ковбой и их марухи уже говорят друг другу: «Все, ребя, кончай работу», — тут зал начинает так трясти, что ясно: конечно же, Баланчин строил это не ради кассы. Просто после бесчеловечных гармоний «Кончерто барокко» или «Агона», после истерического обожания в труппе и божественного преклонения вокруг, уже в статусе крупнейшего хореографа XX века, ему очень хотелось показать, что он не громовержец какой-нибудь, а, в сущности, веселый добрый малый. И такого в Мариинке еще точно не видели.

ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА